

ПОДХОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Сергей Минасян

Работа освещает основные подходы региональных и глобальных акторов в карабахском конфликте, особенно вовлеченных в урегулирование государственных посредников. Подробно исследуются также долгосрочные стратегии и реализуемые политики самих конфликтующих сторон – с одной стороны, Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики, а с другой – Республики Азербайджан. Отмечается, что карабахский конфликт не является исключением среди аналогичных этнополитических конфликтов и целиком укладывается в логику мировых процессов создания новых государств и государственных образований.

1. Введение

Уже два десятилетия карабахский конфликт продолжает оставаться важнейшим фактором, влияющим на политическую карту Закавказья (Южный Кавказ). Вовлеченные в той или иной степени в сам конфликт или в процесс мирного урегулирования третьи страны и международные организации не имеют единой позиции и зачастую преследуют собственные цели и интересы в политических процессах вокруг Нагорного Карабаха. Несмотря на отсутствие серьезных подвижек по достижению в обозримом будущем мирного соглашения вокруг Карабаха (армянская область Арцах – в древности и средневековье одна из 15 провинций царства Великой Армении), для самих конфликтующих сторон эта ситуация сохраняющегося статус-кво является минимально приемлемым развитием. Даже проигравшая в войне Республика Азербайджан, заявляющая время от времени о своей готовности взять реванш, тем не менее, исходя из политических и военных ограничений, также вынуждена учитывать сложившиеся реалии.

2. Глобальное и региональное измерение карабахского конфликта и позиции государств-посредников

2.1. Карабахский конфликт в системе аналогичных мировых этнополитических конфликтов

Динамика карабахского конфликта¹, приведшего к созданию по его итогам нового, легитимно декларированного 2 сентября 1991г. независимого государства – Нагорно-Карабахской Республики, естественным образом укладывается в мировую логику процессов национального строительства и появления новых государств. Такие этнополитические конфликты, как карабахский, и появление новых де-факто государственных образований, при всем различии по характеру возникновения, не являются уникальными случаями ни для постсоветского пространства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), ни для региона Передней Азии и Средиземноморья (Республика Северного Кипра), ни для Балкан (Косово), ни для других примеров в глобальном масштабе (Эритрея, Восточный Тимор и т.д.).

Долговременное состояние «ни мира, ни войны» вокруг Нагорного Карабаха в основном объясняется сложным геополитическим фоном и региональным соперничеством сверхдержав. Вместе с тем, своей специфичностью, исходящей из законного принципа восстановления исторической справедливости, карабахский конфликт укладывается в ряд подобных этнополитических или территориальных вооруженных конфликтов, связанных с процессами национального строительства и претворением права народов на самоопределение. Соответственно, применительно к карабахскому конфликту необходимо учитывать и мировой опыт разрешения подобного рода сложных этнополитических конфликтов, особенно прошедших активную военную фазу. Такие этнополитические и территориальные конфликты практически никогда не удавалось урегулировать путем паритетного компромиссного соглашения, одинаково удовлетворяющего все стороны².

¹ Подробнее об истории и динамике развития карабахского конфликта см.: *Nikolay Hovhannisyan, The Karabakh Problem: Factors, Criteria, Variants of Solution, Yerevan, 1999; Աղբրակներ Մանասյանի, Ղարաբաղյան հիմնախնդիրը. Փաստեր և փաստաթղթեր, Երևան, 2005, էջ 20, 47, Александр Манасян, Карабахский конфликт. Ключевые понятия и хроника, Ереван, 2005; Sergey Minasyan, Mikhail Aghajanyan and Eleonora Asatryan, The Karabakh Conflict: Refugees, Territories, Security, Yerevan, 2005; Сурен Золян, Нагорный Карабах: проблема и конфликт, Ереван, 2001; Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.*

² Мировая история последнего столетия практически не знает подобных примеров, кроме совсем уж экзотических случаев, когда конфликты не достигали такого ожесточения, имели малый ареал или же не являлись приоритетными для самих конфликтующих сторон. Например, такого рода спорной проблемой являлся вопрос разделенного между Италией и бывшей Югославией после Второй мировой войны Триеста, хотя и не связанный с проблематикой т.н. непризнанных государств, но являющийся классическим этно-территориальным спором.

И наоборот, широко разрекламированные и вызвавшие в свое время мировой резонанс и поддержку значительной части общественности конфликтующих сторон компромиссные соглашения впоследствии лишь приводили к еще более кровопролитным вспышкам насилия и необходимости для сторон продолжать конфликт в еще более трудных условиях¹. Слишком уж часто такого рода идеалистическое и основанное на «идея фикс» компромиссного урегулирования «желание мира без понимания реальностей мирного процесса приводило к совсем иным результатам, нежели планировалось изначально» [1]. Во всех остальных случаях этнополитические и территориальные конфликты, особенно связанные с сецессией и этническим размежеванием сторон, имели лишь очень небольшой набор сценариев, приводивших (или же, наоборот, до сих пор так и не приведших) к окончательному решению или долговременному миру.

- Первый сценарий предполагает достижение одной из сторон настолько убедительной победы (или же фактической капитуляции бывшей «метрополии»), что проигравшая сторона полностью или на очень долговременную историческую перспективу отказывается от всяких надежд и претензий на возврат данных отделившихся территорий. Особенно важно, если сложившаяся ситуация найдет понимание и будет признана со стороны международного сообщества или хотя бы значительного количества стран мира. Условно этот случай достижения успешной и окончательной независимости можно показать на примере Косово, Эритреи, Восточного Тимора. Похожими примерами «окончательного решения» в долговременной исторической перспективе уже чисто территориального этнополитического конфликта могут послужить Эльзас и Лотарингия, Судеты и т.д.
- Вторым примером «окончательного разрешения» этнополитического конфликта или же проблемы непризнанных государств может быть полное уничтожение отделившейся этнополитической единицы. Такого рода наглядными и зеркально обратными (по сравнению с первым случаем) примерами «окончательного решения» этнополитического конфликта может послужить Сербская Краина в Хорватии. Аналогичным примером могла бы стать также и Южная Осетия, если бы Грузия в августе 2008г. смогла успешно осуществить свою военную операцию при невмешательстве России в конфликт.

¹ Классическим примером могут служить Ословские соглашения 1993г. по урегулированию арабо-израильского конфликта, которые не только не привели к достижению долгожданного мира на земле Палестины, а стали лишь прологом к гибели главного «архитектора» мирного процесса Ицхака Рабина, новому витку интифады, активизации атак арабских боевиков на Израиль, Ливанской войны 2006г., операции «Литой свинец» в секторе Газы в конце 2008г., а также демократическому приходу к власти в секторе Газы «Хамас» и т.д.

- Третьим примером может быть ситуация «замороженного конфликта», когда проигравшая сторона (т.е. бывшая «метрополия») не смирилась с существующим положением и надеется каким-то образом достигнуть военного или политического реванша и вернуть отколовшуюся территорию. Такого рода примерами «замороженного конфликта» могут служить ситуации вокруг Карабаха, Приднестровья, а до августа 2008г. – также Абхазии и Южной Осетии.
- Четвертый пример – это так называемый «Кипрский вопрос», возникший вследствие прямой агрессии Турции. Однако международного признания, исходя из тех или иных политических обстоятельств, или же примирения бывшей «метрополии» со сложившейся реальностью, не происходит, и конфликт не находит окончательного урегулирования.

Можно продолжить примеры актуальных мировых этнополитических конфликтов, в решении которых заложен один из механизмов образования новых государств. В указанных рамках карабахский конфликт, имея свои специфические и весьма характерные черты, не является уникальным. В частности, это проявляется в виде наличия многолетнего формата посредников переговорного процесса (сопредседателей Минской группы ОБСЕ в лице трех ведущих мировых ядерных держав – постоянных членов Совета безопасности ООН), сохраняющегося хрупкого перемирия на линии соприкосновения при полном отсутствии миротворцев и бесспорной важности Закавказья (Южного Кавказа) для региональных и мировых акторов.

2.2. Позиции посредников и региональное измерение карабахского конфликта

Исходя из вышеуказанного, подходы и вовлеченность как региональных, так и глобальных акторов в карабахском конфликте вполне типичны по сравнению с другими аналогичными этнополитическими конфликтами. Как в других случаях, в карабахском конфликте одновременно проявляются жесткое соперничество и дипломатическое сотрудничество участвующих в переговорном формате великих держав и государств-посредников, ревнивое отношение соседей по региону как к конфликтующим сторонам, так и к активному вовлечению внешних акторов, использование сторонами всего спектра механизмов *real politik*, военно-политического и экономического шантажа и т.д..

Вместе с тем, существующий формат реального переговорного процесса вокруг Нагорного Карабаха осуществляется под эгидой и при посредничестве

Минской группы ОБСЕ, созданной в 1992г. и включающей Россию, США и Францию (в случае с последней предусматривается, что французский сопредседатель также как бы выражает позицию ЕС)¹. И это несмотря на то, что реализуемые политические интересы стран-сопредседателей зачастую не только сталкиваются, но и вступают в открытое противоречие в глобальном масштабе, включая постсоветское пространство. Так происходит, в частности, в связи с Грузией, где США и ЕС могут открыто противостоять или же выстраивать свою политику по отношению к России на грани открытой конфронтации, а по соседству, в том же закавказском регионе, иметь схожие подходы к процессу мирного урегулирования карабахского конфликта и даже консенсусное мнение по вопросу о недопущении развязывания новых боевых действий против Нагорного Карабаха. Такая уникальная и в то же время осознанная реалистичная политика трех сопредседателей позволяет сохранить и продолжить чрезвычайно трудный процесс переговоров.

Вполне естественно, что подходы основных внешних акторов к карабахскому конфликту также корректируются в соответствии с их собственными интересами на Южном Кавказе и в прилегающих регионах. Это могут быть как интересы в сфере энергетики и коммуникаций (что актуально, например, для США и Франции), так и проблем безопасности и геополитического доминирования (как в случае с Россией и США, а также в подходах других государств региона Передней Азии – Ирана и Турции). Однако не только так называемые интересы «материального порядка» или же лежащие в сфере геополитики и безопасности сказываются на подходах всех региональных или глобальных акторов к карабахскому конфликту. Это могут быть как идеалы и принципы демократии и региональной интеграции (проявляющиеся в позициях европейских стран и организаций, в том или ином формате вовлеченных в процессы урегулирования, – например, Совета Европы или ОБСЕ), так и историко-культурные и религиозные факторы.

Пример совмещения прагматизма и реализма в подходах к карабахскому конфликту представляет собой Иран. Будучи исламским государством и зачастую выступая с позиций исламской солидарности в других этнополитических конфликтах, Исламская Республика Иран совмещает это с довольно сбалансированным и прагматичным отношением в карабахском конфликте и даже поддержкой Армении в вопросах регионального экономического и коммуникационного сотрудничества [2]. После неудачной попытки Ирана в мае 1992г. выступить посредником в карабахском конфликте Тегеран больше не демонстри-

¹“Conflict Resolution in the South Caucasus: The EU’s Role”, Europe Report No173, International Crisis Group, 20 March 2006.

рует открытой заинтересованности выступать в качестве медиатора переговоров, но при этом чрезвычайно активно следит за всеми происходящими вокруг Нагорного Карабаха политическими процессами, особенно ревниво реагируя на все попытки активизации американских инициатив в регионе.

Из региональных акторов выделяется позиция Грузии в отношении карабахского конфликта и продолжающегося армяно-азербайджанского противостояния. С одной стороны, Грузия, имеющая проблемы собственных этнополитических конфликтов вокруг Абхазии и Южной Осетии и напряженные отношения с Россией, стремится по возможности и хотя бы на декларативном уровне занимать более или менее нейтральную позицию в карабахском конфликте. Вместе с тем, с учетом наличия стратегического партнерства между Арменией и Россией и схожести своего статуса бывшей «метрополией», потерявшей свои автономии советского периода (Абхазию и Южную Осетию), с аналогичным статусом Азербайджана, официальный Тбилиси в своих оценках и действиях зачастую демонстрирует проазербайджанскую позицию и в то же самое время получает значительные дивиденды от неурегулированности конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Абсолютно ясно, что реализация энергетических проектов по транспортировке каспийской нефти и газа («Баку-Тбилиси-Джейхан» и «Баку-Тбилиси-Эрзерум (Карин)») из Азербайджана в Турцию обходным путем через территорию Грузии была бы невозможной, если бы не наличие неурегулированного карабахского конфликта, в результате которого Баку настаивал на прокладке этих трубопроводов в обход Армении. Урегулирование карабахского конфликта снизит региональную значимость Грузии, лишит ее тех экономических и политических преимуществ, которые получает Тбилиси в условиях наличия конфликта между двумя ее соседями по закавказскому региону. Даже изменение общего фона вокруг карабахского конфликта, как опасаются определенные круги в Грузии, может негативно сказаться на ее региональном положении. Например, как указывают грузинские эксперты, в Грузии существует ощущение того, что в случае дипломатического урегулирования отношений между Арменией и Турцией, сопровождающейся снятием со стороны последней блокады и открытия границ и коммуникаций, Тбилиси потеряет «свою привилегированную позицию» в региональных транзитных и экономических проектах. Хотя грузинские эксперты также полагают, что в результате этих процессов снизится российское военно-политическое присутствие в Армении и, в целом, в закавказском регионе, что исходит и из интересов Грузии [3].

3. Политика и подходы конфликтующих сторон

В условиях практически взаимоисключающих подходов общественности и политических элит, с одной стороны, Республики Армения и НКР, а с другой – Республики Азербайджан к перспективам мирного урегулирования и отсутствия реальных условий и даже перспектив на достижение компромиссного соглашения, чрезвычайно актуальна правильная оценка долговременных развитий вокруг карабахского конфликта. Поэтому поиски ответа на вопрос о том, кому выгодно в долговременной перспективе ситуация сохранения нынешнего статус-кво, а более конкретно – «на кого же в карабахском конфликте реально работает время», являются одним из важнейших дискурсов, существующих в идейно-политическом и в экспертно-аналитическом поле конфликтующих сторон.

В частности, общественность и политические элиты Республики Армения и Нагорного Карабаха считают, что каждый день существования независимой Нагорно-Карабахской Республики (по результатам победы в войне и наличия нынешних границ НКР) закрепляет все достижения армянских сторон, особенно с учетом мировой тенденции к признанию новых государственных образований и так называемого «Косовского прецедента». По их мнению, каждый день существования Карабаха вне Азербайджана лишь приближает к реализации целей свободного и независимого существования второго армянского государства.

В Республике Азербайджан же, наоборот, почти все слои общественности и политические силы однозначно надеялись вернуть себе Нагорный Карабах как военной силой, так и мирным путем. Одним из важных элементов «карабахской стратегии» Азербайджана является открытая и публичная угроза возобновить боевые действия, призванная повлиять на психологическое восприятие конфликта как западными державами и международными организациями, так и армянскими сторонами. Дополнительную аргументацию указанной политики Азербайджана в глазах его руководства и политической элиты добавляют также неоправданно высокие ожидания от роли нефтяного фактора и желания навязать Республике Армения и Нагорному Карабаху экономически изматывающую «спираль» гонки вооружений. Второй же составляющей «карабахской стратегии» Азербайджана является идея продолжения кампании экономического и коммуникационного «удушения» Армении путем ее многосторонней блокады как со стороны Азербайджана, так и со стороны Турции. Эта идея фактически стала краеугольным камнем «карабахской стратегии» Баку за все годы активной фазы карабахского конфликта в его противостоянии с Ереваном и Степанакертом. За все это время указанная концепция так и не доказала свою эффективность, подтверждением чего явились бурный двузначный экономический рост

Республики Армения и государственное строительство и экономическое развитие Нагорно-Карабахской Республики в течение последних нескольких лет в условиях блокады, осуществляемой Турцией и Азербайджаном.

3.1. Армения

Карабахская проблематика является важным направлением во внешней и внутренней политике Республики Армения. Необходимость поддержания военного баланса ввиду угрозы возобновления боевых действий, экономические издержки осуществляемой Азербайджаном и Турцией транспортной блокады, естественно, оставляют свое влияние на политическое и социально-экономическое развитие независимой Республики Армения.

Продолжая свое развитие с учетом региональных и глобальных процессов, Республика Армения, несмотря на все политические и экономические трудности, способствует укреплению государственности и экономики НКР, вне зависимости от состояния карабахского конфликта. Реалистичный анализ складывающейся вокруг карабахского конфликта ситуации не позволяет говорить о скором урегулировании отношений с Азербайджаном в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе. Соответственно, Армения предпринимает шаги налаживания отношений с другими странами региона, а также с международными организациями и ведущими мировыми государствами, одновременно стимулируя интерес европейских организаций и мировых держав к Закавказью (Южный Кавказ), учитывая карабахский конфликт [4].

Важным ресурсом является использование комплементаризма как формы реализации внешней политики Армении. Несмотря на имеющиеся и с каждым разом все более усиливающиеся субъективные (а местами даже иррациональные) антироссийские стереотипы на Западе, будучи союзником России и членом ОДКБ, Армения никогда не рассматривалась на Западе как исключительно пророссийский актер закавказской региональной политики. НКР в восприятии западной политической элиты никогда не стоял в одном ряду с Абхазией, Южной Осетией или Приднестровьем, а Азербайджан никогда не рассматривается как такое же безусловно прозападное государство, как Грузия, и поэтому заслуживающее поддержки Запада. И дело отнюдь не только в роли армянской диаспоры в США и в странах Европы или же в особой эффективности армянского внешнеполитического комплементаризма, пытающегося балансировать на взаимоотношениях России и Запада. По меткому замечанию российского эксперта по Закавказью Сергея Маркедонова, «если Абхазия и Южная Осетия для Запада – марионетки Кремля, то с НКР другая история. Далеко не для всех, но для многих – это «маленькая свободолюбивая республика, бросившая вызов КПСС и

коммунистической тирании». Карабах воспринимается как часть антикоммунистического протеста. Наряду, кстати, с Грузией и Прибалтикой, хотя это и кажется, на первый взгляд, парадоксальным. А на Западе (особенно в США) – это серьезный аргумент» [5].

Что касается военно-технической составляющей конфликта, то, с учетом попыток Баку путем силового шантажа и угроз возобновления боевых действий вынудить армянские стороны к уступкам, армянское военно-политическое руководство убеждено в том, что даже возможное увеличение нефтяных доходов Азербайджана не позволит ему в ближайшем будущем достичь такого многократного превосходства над Республикой Армения и НКР, чтобы надеяться на успех в войне. Вдоль всей границы НКР за годы перемирия создана эшелонированная линия обороны, которую будет довольно сложно преодолеть. По оценкам военных экспертов, насыщенность оборонительных позиций армянской армии НКР противотанковыми средствами и артиллерией позволяет нанести серьезные потери наступающим азербайджанским войскам, что ликвидирует их многократное превосходство в танках и иной бронетехнике в ходе первого удара и не допускает возможности «блицкрига» и быстрого прорыва вглубь территории Нагорного Карабаха [6, сс. 142-152].

Представляется, что для оценки реальной военно-политической ситуации в зоне конфликта также необходимо учитывать роль и возможность применения армянской стороной политики сдерживания противостоящей стороны. По мере раскручивания очередного витка гонки вооружений в зоне армяно-азербайджанского противостояния вероятность начала боевых действий снижается. Таким образом, гонка вооружений в зоне карабахского конфликта в реальности на данном этапе лишь повышает порог (или снижает вероятность) начала боевых действий. Это, конечно же, не является полной гарантией невозобновления военных действий, но создает серьезные ограничения. Продолжающиеся закупки Азербайджаном за счет нефтяных доходов новых вооружений, в принципе, действительно способны несколько изменить военный баланс, но еще довольно долго стабильность в зоне карабахского конфликта будет сохранять, создающийся уже новый баланс – «баланс угроз», способствующий поддержанию хрупкого и нестабильного мира [4, р. 70].

3.2. Нагорный Карабах

Для понимания подходов политической элиты и общественности Нагорного Карабаха надо учесть несколько фундаментальных обстоятельств. Во-первых, армяне Карабаха (арцахцы) считают, что их борьба за независимость и создание собственной государственности исходит из принципа восстановления

исторической справедливости, что укладывается в логику аналогичных примеров в мировой практике. Во-вторых, для арцахцев довольно непонятна позиция ряда политических деятелей на Западе и представителей международных и европейских структур, которые, критикуя коммунистическое прошлое и говоря о тяжелом советском наследии, применительно к карабахскому конфликту ссылаются на незыблемость неких установленных сталинской и коммунистической системой административных границ, являющиеся пережитком советского режима. В глазах армянского населения и общественности Нагорного Карабаха еще более непонятна апелляция только к выборочным принципам международного права – таким, как нерушимость границ, – когда применительно к карабахскому конфликту речь идет об учете еще как минимум двух принципов – принципа права наций на самоопределение и принципа неприменения силы при решении международных споров и конфликтов. Это еще более неприемлемо с учетом самого факта, что НКР вполне легитимным путем провозгласила свою независимость в 1991г. в полном соответствии с действующим на тот момент законодательством СССР. После этого, несмотря на навязанную Республикой Азербайджан кровопролитную войну 1992-1994гг., Нагорный Карабах с коренным армянским населением в 140 тыс. человек (при поддержке Республики Армения и армянской диаспоры) смог не только противостоять Азербайджану с его почти 7-миллионным населением, но и выиграть у превосходящего по численности и военно-экономическим параметрам противника. По мнению арцахцев, в истории еще не было примеров того, чтобы победивший в войне за независимость и уже в течение двух десятилетий успешно строящий свою государственность народ мог отказаться от этих своих достижений. Соответственно, с точки зрения арцахцев, подход и переговоры с Азербайджаном могут вестись только с учетом существующих политических реалий и необходимости участия самой НКР в переговорном процессе. Иначе все достигнутые без согласия официального Степанакерта договоренности по урегулированию конфликта просто не смогут быть реализованы.

При этом, как отмечают эксперты НКР, экономический рост Азербайджана за последние годы свидетельствует о том, что отсутствие в его составе бывшей автономии – т.е. Нагорного Карабаха, абсолютно не сказывается на экономическом, социальном и культурном развитии «бывшей метрополии». Тем самым, все апелляции Азербайджана о возвращении Карабаха базируются на ображениях престижа, амбиций и пантюркистских вожделений. Как отмечал еще в 1989г. выдающийся физик, защитник прав человека, лауреат Нобелевской премии Андрей Сахаров: «Для Азербайджана Карабах – вопрос престижа, для Армении – это вопрос жизни» [цитируется по: 7, с. 109].

Более того, по параметрам свободы слова, уровня демократии, избирательных процедур и защиты фундаментальных прав Азербайджан не может являться примером ни для НКР, ни для остальных соседей по региону [8].

В то же время, как состоявшаяся на современном этапе и набирающая мощь страна, НКР при прямой помощи от Республики Армения и некоторых других государств (например, США) успешно развивается в сферах экономики и дипломатии, что выведет второе армянское государство из международной изоляции и позволит официально участвовать во всех региональных проектах и делах международных организаций. При этом очевидно, что попытки изоляции Нагорно-Карабахской Республики от международного сообщества в реальности лишь отдалают возможности достижения в обозримом будущем примирения и мирного урегулирования конфликта с Республикой Азербайджан.

С другой стороны, определенные трудности вследствие международной изоляции не отражаются на политической воле и решимости армянства к усилению государственности в НКР в тесном взаимодействии с Республикой Армения и армянской диаспоры.

3.3. Азербайджан

Общий анализ ситуации вокруг карабахского конфликта, оценка позиций как противостоящих сторон, так и основных внешних акторов и посредников, позволяют утверждать, что налицо полное несовпадение подходов конфликтующих сторон. Уровень гипотетических максимальных уступок, на которые в принципе может быть готова любая из противоборствующих сторон в ходе переговоров, абсолютно не соответствует минимальным ожиданиям общества и элиты другой стороны в качестве необходимого условия для урегулирования конфликта [9]. С другой стороны, как внешние ограничители – в виде принципиальной позиции ведущих держав и международного сообщества, так и сложившийся комплексный военно-политический и военно-технический баланс на современном этапе реально сдерживают возобновление боевых действий в зоне конфликта. Однако острое противостояние армянских и азербайджанской сторон этим не нивелируется, оно просто переходит в иную стадию т.н. односторонних «периферийных» действий.

Во многом эти действия (активизация гонки вооружений, использование фактора времени, силовой шантаж, попытки ослабить противостоящую сторону экономически и психологически и вынудить к односторонним уступкам и т.д.) инициируются реваншистскими настроениями в Республике Азербайджан, потерпевшей поражение в боевых действиях 1992-1994гг. Очевидно, что Азербайджан при любом из ныне обсуждаемых (и реально осуществимых) вариантов

мирного урегулирования теряет больше, чем Республика Армения и НКР. На содержание тех предложений, которые находятся на столе переговоров Минской группы ОБСЕ объективно может повлиять так называемый «косовский прецедент», а также факты признания независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России в августе 2008г., причем не столько в виде параллелей с Карабахом в правовой или политической плоскостях, а в силу изменения фона и восприятия легитимности факта создания новых государств в глазах международного сообщества.

Тем самым, политика силового шантажа и неготовность к реальным компромиссам содержит понятные и объективные предпосылки и практически безальтернативна для современного Азербайджана. Антиармянская риторика и «идея-фикс» о возвращении Карабаха любыми способами также являются краеугольными элементами государственной агрессивной идеологии постсоветского Азербайджана, ибо азербайджанскому обществу предлагается идея «отложенного военного реванша» и вера в будущую «большую нефть» (в качестве инструментария реализации реванша) как идеологическая основа его консолидации. Кроме этого, реваншизм и антиармянские настроения используются в качестве эффективного канала нейтрализации в азербайджанском обществе острого социального недовольства, которое в ином случае было бы более агрессивно адресовано правящим элитам Азербайджана.

Однако в силу сложившегося военно-технического и военно-политического баланса (важнейшей составной частью чего является также нынешняя выгодная для обороны и фортификационно укрепленная армянская линия обороны вдоль границ НКР) Азербайджан не способен применить силу в карабахском конфликте. Несмотря на заявления Азербайджана о скорых нефтяных доходах, по оценкам международных экспертов, военный баланс в ближайшие годы не изменится. С другой стороны, не ослабевает реваншизм у значительной части азербайджанского общества. В таких условиях Азербайджан пытается создать для себя благоприятные условия в карабахском вопросе путем «периферийных» действий, откровенного силового шантажа и попыток оказания косвенного информационно-психологического, политического и экономического влияния на Республику Армения и НКР. «Непрямые периферийные действия», в частности, включают: блокаду коммуникационных путей Армении и вовлечение в этот процесс Турции, торпедирования всяких реальных попыток налаживания регионального сотрудничества (в том числе иницилируемых европейскими и международными организациями), жесткую пропагандистскую войну против Республики Армения и НКР, использование противоречий основных внешних игроков в регионе, и т.д. [10].

Бесспорно, одним из основных аргументов Азербайджана в его бескомпромиссной политике и подходах в карабахском конфликте является фактор перспективных значительных доходов от добычи нефти и газа. У Баку есть уверенность, что он способен благодаря доходам от экспорта каспийских энергоресурсов навязать Республике Армения и НКР гонку вооружений в регионе, заставив тем самым пойти на значительные уступки в карабахском вопросе. Суммарные оценки азербайджанских запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря варьируются в зависимости от политических пристрастий исследователей, и очень трудно составить объективное представление о цифрах реального углеводородного потенциала Азербайджана. Тем не менее, надо признать, что они весьма значительны, способны в течение длительного времени оказать влияние на экономическое развитие Азербайджана и должны обязательно учитываться при анализе региональных политических, военно-технических и социально-экономических процессов. Однако нефть и газ абсолютно не являются панацеей для стабильного экономического роста и политического развития стран-экспортеров, особенно если эти страны имеют лишь небольшой опыт государственного строительства и делают первые шаги по пути демократического транзита и формирования институтов гражданского общества. Не случайно, существует даже термин «нефтяное проклятие», который довольно точно характеризует степень экономических, социальных и политических проблем и сложностей, возникающих, когда на страну обрушивается денежный поток от продажи природных ресурсов. Эти проблемы являются «темной стороной» фасада экономического благополучия и политического развития стран-экспортеров нефти. В мировой истории есть десятки примеров стран, на дальнейшей судьбе и даже самом существовании которых фактор наличия богатых природных ресурсов (в первую очередь нефти и газа) зачастую сыграл коварную и даже роковую роль¹.

Влияние нефтяного фактора на милитаризацию региона и на вероятность возобновления военных действий в зоне карабахского конфликта довольно хорошо изучено в аналитической литературе и докладах ряда известных исследовательских организаций. Например, в опубликованном в ноябре 2007г. Международной кризисной группой (ICG) специальном аналитическом докладе, озаглавленном «Нагорный Карабах: рискуя войной», где международные эксперты указывали, что, несмотря на довольно значительные закупки Азербайджаном вооружений, тем не менее, военный баланс в целом не изменился и вряд ли мо-

¹ Сергей Минасян, Нефтяной фактор и политика Азербайджана в Карабахском конфликте // Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009; Svetlana Tsalik, Caspian Oil Windfalls: Who Will Benefit? Caspian Revenue Watch – Open Society Institute, New York, 2003; Amity Shlaes and Gaurav Tiwari, Smart Countries, Foolish Choices, A Maurice R. Greenberg Center for Geoeconomic Studies Working Paper, Council on Foreign Relations, No1, April 8, 2008.

жет измениться в ближайшее время, что во многом обусловлено выгодной для армянской стороны географической конфигурацией линии обороны вдоль границ Нагорного Карабаха, где находится значительная часть господствующих высот, а уязвимые участки соприкосновения с азербайджанскими войсками представляют собой глубоко эшелонированную линию фортификационных укреплений. Но при этом аналитики особо отметили, что реальная опасность боевых действий может возникнуть не столько от усиленной милитаризации Азербайджана, сколько возможным к 2012г. резким снижением добычи азербайджанской нефти и соблазном решить конфликт силой, «когда доходы от экспорта нефти Азербайджана, вероятно, начнут снижаться, и военная авантюра может представиться средством отвлечения внимания граждан страны от экономических проблем» [11, pp. i-ii, 19].

Указанные подходы в политике Азербайджана в карабахском конфликте столкнулись с серьезным испытанием на реалистичность по итогам «Пятидневной войны» между Россией и Грузией в августе 2008г. В первую очередь, это связано со снижением военных рисков. Кроме неспособности Баку изменить военный баланс в зоне противостояния, это вызвано изменившимся региональным контекстом после «Пятидневной войны» и подписанной 2 ноября 2008г. московской «Декларацией трех президентов» по Нагорному Карабаху, зафиксировавшей новый статус-кво в Закавказье. Надо также учесть реанимацию в общественном восприятии Азербайджана «русской угрозы», проецировании Баку результатов неудачной и даже катастрофической для Грузии военной операции по возврату отделившейся от нее мятежной автономии – Южной Осетии (а в последующем, видимо, и Абхазии) и фактора резкого падения цен на нефть со второй половины 2008г. Быстрое поражение армии бывшей «метрополии» (т.е. Грузии) оказало вполне ясное и предсказуемое впечатление на Баку. Аналогии для политической элиты Азербайджана напрашивались более чем зеркальные [12].

Крах самой возможности «прецедента Сербской Краины» в Южной Осетии и Абхазии, очевидность полной потери Грузией в обозримой перспективе даже надежды на восстановление своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвали, юридическое признание независимости этих бывших советских автономий пусть даже только одной Россией – но влиятельным международным актором, многочисленные жертвы и фактическая деморализация грузинской армии – все эти примеры вряд ли явились желанной перспективой для правительства Ильхама Алиева в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

4. Активизация «турецкого вектора»

Турция в связи с активизацией агрессии Азербайджана в Нагорном Карабахе с 1993г., закрыв границу, осуществляет блокаду Республики Армения. Вместе с тем Турция продолжает оказывать военную помощь Азербайджану. С этого времени в позиции Турции в карабахском конфликте не заметно каких-либо изменений, и можно даже утверждать, что она идет в фарватере азербайджанской политики в отношении Республики Армения и НКР. Тем самым турецкая сторона (в соответствии с пожеланиями Баку) путем закрытия границ и транспортных коммуникаций осуществляет экономическую блокаду и изоляцию, т.е. враждебные действия по отношению к Армении. По расчетам азербайджанских политиков и их турецких покровителей, все это должно было бы в комплексе способствовать экономическому ослаблению и истощению Армении и вынудить Ереван к односторонним уступкам [13, pp.13-16].

Ко времени визита президента Турции А.Гюля в Ереван (6 сентября 2008г.) по приглашению президента Республики Армения С.Саргсяна (для совместного просмотра футбольного матча между сборными Армении и Турции) почти 16-летнее закрытие границ показало, что все надежды на принуждение Армении к односторонним уступкам в карабахском вопросе, в том числе в виде пред условия для налаживания дипломатических отношений и открытия Турцией границ, оказались несостоятельными.

Есть некая «красная линия», которую армянская сторона не может перейти в своих переговорах с турецкой стороной по установлению двусторонних дипломатических отношений, истины, которые не могут быть полем для обсуждений с Анкарой в представлениях армянской политической элиты и общественности, – Нагорный Карабах и Геноцид армян¹. Тем более что концепция «коммуникационного удушения» Республики Армения и НКР так и не привела к существенным результатам или к ослаблению позиций армянских сторон, которые продолжают экономически развиваться в условиях блокады. Одним из важнейших результатов 2008 – первой половины 2009гг. в армяно-турецких переговорах стало их фактическое разделение от карабахской проблематики и взаимоотношений обеих стран с Азербайджаном, что в перспективе может способствовать стабильности в регионе и снизить вероятность возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

Надо особо отметить, что для Турции в политическом плане Армения яв-

¹ Геноцид армян в Западной Армении и других частях Османской империи Ю.Барсегов в своем фундаментальном исследовании квалифицировал как преступление против человечества (см. *Барсегов Ю.Г.*, Геноцид армян – преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации), Ереван, 1990, *Барсегов Ю.*, Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества, Документы и комментарии, т.1, т. 2, М., 2002).

ляется продолжением западного мира, и во многих случаях именно внешние силы, в особенности США, одновременно являются и субъектом и объектом «армянского фактора» в политике по отношению к Турции. Армения и армянская диаспора реализуют свои лоббистские возможности в США и в Западной Европе для давления на Турцию, а Вашингтон и Брюссель, когда это необходимо (например, в вопросе членства Турции в ЕС или же в ближневосточной политике), напоминают о Геноциде 1915г. и необходимости открытия Турцией границы, используя эти вопросы как удобный повод для критики и сдерживания Анкары.

Подписанный 22 апреля 2009г. главами МИД Республики Армения, Турции и Швейцарии документ, предусматривающий реализацию «дорожной карты» по конкретным мероприятиям, направленным на установление армяно-турецких дипломатических отношений, получил активное одобрение официальных лиц в Вашингтоне, Брюсселе и даже в Москве. Это привело, в свою очередь, к кризису в отношениях между Баку и Анкарой со времен обретения в 1991г. Азербайджаном независимости¹.

Хотя также очевидно, что, несмотря некоторое вытеснение проблематики карабахского конфликта из общего формата армяно-турецких переговоров, позиция Анкары в этом конфликте вряд ли в обозримом будущем изменится, а карабахский конфликт вряд ли может быть полностью исключен из внешнеполитической повестки и внутривосточного дискурса в самой Турции. Об этом свидетельствуют публично подтверждаемые политическим руководством Турции заверения о якобы совмещенном процессе армяно-турецких переговоров и карабахского урегулирования, а также постоянные утверждения турецкого руководства об его непреклонности в верности отношениям с Азербайджаном. Такими примерами являются довольно жесткие заявления премьер-министра Турции Эрдогана по карабахской тематике, сделанные им в ходе майского визита 2009г. в Азербайджан и в дальнейшем, а также продолжающиеся

¹ Первоначально Азербайджан не только подверг резкой критике проводимую Турцией политику в отношении Армении, но даже предпринял несколько демонстративных шагов – от запрета на трансляцию в Азербайджане телефильмов на турецком языке до угроз прекратить поставки азербайджанского газа в Турцию и готовности рассмотреть возможность продажи всего добываемого этой страной газа России. Визит азербайджанского президента И.Алиева в Москву в середине апреля 2009г. и его встреча с российским президентом Медведевым явились самой наглядной иллюстрацией этих шагов Баку. Тем не менее, политика шантажа Турции «российским фактором» так и не привела к пересмотру официальной турецкой политики по нормализации отношений с Арменией, а Москва не согласилась «обменять» азербайджанский газ на изменение своего подхода в карабахском конфликте. Исходя из этого, Баку к началу мая 2009г. несколько смягчил свое отношение, а в азербайджанской прессе и в высказываниях официальных лиц стали проявляться более реалистичные оценки происходящего. Видимо, в Баку осознали, что возможное дальнейшее ухудшение отношений Азербайджана с Турцией и тем самым ослабление поддержки со стороны Анкары лишь ухудшат позиции Баку в глазах международного сообщества, а также в переговорном процессе по карабахской проблематике.

заверения турецкого руководства о неизменности своей позиции в защиту интересов Азербайджана¹.

Однако не только внутривнутриполитические факторы сказываются на проазербайджанских подходах Анкары в карабахском конфликте. Можно также говорить о некоей «инструментализации» азербайджанского фактора в турецкой политике по отношению к Армении. Анкара пытается использовать карабахский фактор в качестве элемента давления (или же – политического торга) на армянскую сторону для отвлечения ее внимания и ресурсов от намного более важной для турецкого общества и государства проблемы международного признания Геноцида армян 1915г.

Всякий раз, когда турецкая сторона пытается выдвинуть в качестве пред условия для снятия блокады и установления дипломатических отношений с Арменией карабахскую тематику, она всегда встречает отпор от твердой позиции армянской стороны относительно международного признания Геноцида 1915г. в Османской империи.

Другой важной особенностью влияния факта Геноцида на армяно-турецкие отношения является внутритурецкое отношение к армянам. Убийство в январе 2007г. в Стамбуле армянского журналиста Г.Динка, христианских миссионеров в Трапезунде и в Малатии показало наличие глубинных националистическо-пантюркистских, антиармянских, антихристианских и антизападных настроений внутри турецкого общества [14, р. 130].

Очевидно, что факт Геноцида армян, блокада и неурегулированность отношений с Ереваном под предлогом уязвки с карабахским конфликтом делают Турцию уязвимой для внешнего давления со стороны ведущих мировых игроков – США и ЕС. Некоторые политические силы в Брюсселе и Вашингтоне используют это в своих интересах как рычаг влияния на Анкару во многих вопросах – от перспектив членства Турции в ЕС до будущего статуса северных курдонаселенных районов Ирака. Данный факт вызывает все большую озабоченность и беспокойство у политической элиты и общественности Турции. Как отмечают авторы совместного аналитического доклада, подготовленного с участием армянских, турецких и европейских экспертов: «Возрастающее количество турок осознает, что на международной арене позиция их страны в Армянском вопросе неубедительна и только увеличивает напряженность в отношениях со своими

¹ Как отмечает турецкий эксперт Бюлент Арас, ограничения в возможностях турецкого правительства работать с общественностью своей страны и необходимость более активного освещения внешнеполитических целей являются одними из серьезнейших вызовов для внешнеполитического руководства Турции: «Попытки нормализации отношений с Арменией вызвали националистическую реакцию азербайджанцев, и эта реакция нашла поддержку в Турции в виде утверждений, что турецкое правительство предало Азербайджан. Предотвращение такого рода негативного влияния должно быть в повестке увеличивающейся активизации региональной политики Турции» (*Bulent Aras, Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy, SETA Policy Brief, No32, May, 2009, p. 15*).

важнейшими союзниками... До тех пор, пока общественно-политические лидеры будут поддерживать страх перед потерей территорий и выплаты репараций, Турция будет реагировать оборонительной политикой. Продолжая опасаться любого упоминания термина **геноцид** (*'g-word'*) как угрозы национальной гордости, внешняя политика Турции будет оставаться заложницей событий, находящихся вне ее контроля, особенно касающихся Кавказа» [15, р. 22].

В случае увязывания своей политики в отношении Армении с интересами третьей страны – Азербайджана, Турция рискует принести в жертву неким фантомам тактического уровня свои собственные национальные интересы и выгоды глобального и стратегического масштаба. Снятие же блокады и открытие границы с Арменией на востоке позволит Турции получить важнейшие политические и пропагандистские дивиденды на западе – в первую очередь, в диалоге с ЕС. Армения же, в случае снятия Турцией блокады и установления двусторонних дипломатических отношений, сможет в экономической сфере эффективно использовать коммуникационные возможности Турции [16, pp. 13-16], а в политической, при полном обеспечении национальной безопасности, – расширить возможности армянской дипломатии в региональных и в мировых процессах. При этом необходимо иметь в виду, что «сегодня четко прослеживается тенденция ухудшения в отношениях Турция-Азербайджан, и на прежнем едином турецко-азербайджанском фронте в вопросе Республики Армения и НКР образовались определенные трещины... Если даже предположить, что подобные действия (недовольство официального Баку по поводу процессов установления дипломатических отношений между Республикой Армения и Турцией, в связи с этим показная строгая проверка турецких компаний в Республике Азербайджан, а также усиление паспортного режима по отношению к гражданам Турции и т.д.) являются искусственной имитацией, а в действительности действует завуалированное пантюркистское единодушие, то, тем не менее, в сознании азербайджанской и турецкой обществ вышеупомянутые процессы оставляют определенный отрицательный след. Все это весьма важно с точки зрения политического урегулирования вопроса НКР. Известно, что попытка реализации агрессивных планов по отношению к НКР возможна исключительно в случае тесного взаимодействия Азербайджан-Турция» [17].

5. Заключение

Карабахский конфликт продолжает оставаться стержневым конфликтом в Закавказье (Южный Кавказ), в значительной степени формируя рамки региональных процессов и динамику взаимоотношений между глобальными и региональными акторами. Вместе с тем, интересы конфликтующих сторон и вовлеченных

в процесс мирного урегулирования посредников вступают в жесткое противоречие, что отдаляет скорое урегулирование карабахского конфликта. Но даже нынешняя ситуация статус-кво, отсутствие реальных подвижек окончательного урегулирования, опасность возобновления боевых действий и, тем не менее, продолжающийся на этом фоне медленный переговорный процесс между конфликтующими сторонами, могут привести к основанному на существующих реалиях результату в долгосрочной перспективе.

Июль, 2009г.

Источники и литература

1. *Сергей Маркедонов*, Стратегия миротворческого ускорения <http://www.politcom.ru/8492.html>, 13.07.2009.
2. *Brenda Shaffer*, "Is There a Muslim Foreign Policy? The Case of the Caspian", *Current History*, November 2002, pp. 383-386.
3. *Gia Nodia*, "How Much Has the World Changed? Implications for Georgia's Policies", CIPDD Policy Review, April 2009, p. 9.
4. *Sergey Minasyan*, "Armenia in Karabakh, Karabakh in Armenia: The Karabakh Factor in Armenia's Foreign and Domestic Policy" // Alexander Iskandaryan (ed.), *Caucasus Neighborhood: Turkey and the South Caucasus*, Caucasus Institute, Yerevan, pp. 70-72.
5. *Сергей Маркедонов*. Азербайджан – Россия: новое отталкивание. www.politcom.ru/article.php?id=7515, 26.01.2009.
6. *Сергей Минасян*, Военно-политические аспекты карабахского конфликта на современном этапе. Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.
7. *Кэролайн Кокс, Джон Айбнер*. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе, Ереван, 1998.
8. *Masis Mailyan*, "The Place of Nagorno-Karabakh within the Region: Prospects and Dead Ends" // Alexander Iskandaryan (ed.), *Caucasus Neighborhood: Turkey and the South Caucasus*. Caucasus Institute, Yerevan, pp.88-90.
9. *Laurence Broers* (ed.), "The Limits of Leadership. Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process", *Accord*, issue 17, 2005.
10. *Сергей Минасян*, Особенности «карабахской стратегии» Азербайджана: политика «периферийных действий», нефтяные ресурсы и гонка вооружений. *21-й Век*, №2 (8), 2008.
11. "Nagorno-Karabakh: Risking War", *Europe Report*, No 187, International Crisis Group, 14 November 2007.
12. *Сергей Минасян*, «Военно-политические итоги «Пятидневной войны»», *21-й Век*, №1 (9), 2009.

13. *Aybars Gorgulu*, “Turkey – Armenia Relations: A Vicious Circle”, TESEV Foreign Policy Analysis Series-8, Istanbul, November 2008.
14. *Kudret Bulbul, Bekir Berat Ozipek, Ibrahim Kalin*, “Turkey Perceptions of the West”, *Insight Turkey*, vol. 10, No 1, 2008.
15. Noah’s Dove Returns. Armenia, Turkey and the Debate on Genocide. European Stability Initiative, Berlin – Istanbul – Yerevan, 21 April 2009, www.esiweb.org.
16. *Aybars Gorgulu, Sabiha Senyucel Gundogar, Alexander Iskandaryan, Sergey Minasyan*, “Turkey-Armenia Dialogue Series: Breaking the Vicious Circle”, TESEV – Caucasus Institute Joint Report, Istanbul, April 2009.
17. *Գազիկ Հարությունյան*, ՀՀ-Թուրքիա հարաբերությունների համատեքստը, «Հանրապետական», թիվ 9, 2009, էջ 5:

APPROACHES OF THE REGIONAL AND GLOBAL ACTORS TO NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

Sergey Minasyan

Resume

The work covers the main approaches of the regional and global actors to Nagorno-Karabakh conflict, particularly those mediator countries which are involved in the settlement of the conflict. The long-term strategies and the policy carried out by both parties to the conflict (on the one hand the Republic of Armenia and Nagorno-Karabakh Republic and on the other hand the Azerbaijan Republic) are scrutinized. It is mentioned that Karabakh conflict is not an exception among other analogous ethno-political conflicts and it coincides with the logic of the global processes on the creation of the new states and state formations.